

Спасение - 1994 - экв. (51) - с. 7. Фото Сергея Смирнова

Нам нужны горькие лекарства и едкие истины

(беседа с режиссером, преподавателем экологического колледжа Кириллом Барышниковым)

Разговор с Кириллом начался с «вечной» для нашей страны темы культуры, вернее, места культуры в общем эстетическом комплексе. Как известно, «делатель», творец — главная фигура, определяющая уровень существования культуры в данный период в данной стране, у определенного народа. Поэтому было интересно, как ощущает себя Кирилл в качестве «творца», какие перспективы видит для себя.

— Кирилл, наверное, Вы много думали о местоположении такого феномена, как культура, в нашем обществе...

— Конечно, и нахожу, что культура у нас сейчас находится в упадке. Может, я слишком резко выражаюсь, но вот пример — возьмем автора всем известных «Непутевых заметок», которые сейчас собирают большую зрительскую аудиторию.

Без благотворителя он — ничто. Для искусства, культуры нужны деньги. Хотя это несколько огрубляет взгляд на проблему.

— Но сейчас же столько благотворителей!

— За последние годы у нас действительно развелось много меценатов, продюсеров и менеджеров, но они в основном занимают устройством различных кумовских связей, а не ищут настоящих творцов. Их цель — нажить капитал на искусстве, а не отдать его безвозмездно. Но же самое происходит и в других областях, которые требуют денежных вложений, например, в экологическом движении. Ему не прожить без благотворительности, однако много ли мы видим толстосумов, решившихся на щедрые дары?

— Но ведь Россия раньше славилась своими меценатами...

— Люди, которые могли бескорыстно поддерживать, уже ушли. Я с большим уважением отношусь, например, к Григорию Рашалю. Ведь это он «открыл» Любовь Орлову в фильме «Петербургская ночь». Но в то время такие открытия были возмож-

ны, потому что общество еще не было заражено тем «базарным» духом, который чувствуется повсюду сейчас. Я думаю, что, будь сейчас среди нас Барнет или Эйзенштейн, они бы, безусловно, пошли навстречу молодым начинающим режиссерам и актерам. Ведь режиссер без денег ни за что не может состояться, обязательно нужна поддержка материальная. Я думаю, что мы слишком подпали под власть рыночных интересов. В культуре это недопустимо. У студий, киноконцернов только стремление заниматься маркетинговой деятельностью, выпускать клипы, рекламу.

— Кирилл, а что, в таком случае, заставляет Вас настойчиво заниматься режиссурой, почему Вы не желаете отказаться от того, что недоступно?

— Во-первых, это моя давняя мечта. С 16 лет я шел к этой профессии. Мне не удалось поступить во ВГИК, но я закончил журфак, где познакомился с замечательным режиссером Мариной Евсеевной Голдовской. Я очень благодарен ей за большую помощь на начальном этапе моей деятельности в качестве режиссера.

— У Вас не было поддержки в семье, Ваши родители имеют какое-то отношение к искусству кино?

— Совсем нет. Мои родители далеки от искусства вообще. У меня не было соответствующего окружения, творческой среды, что ли.

— Когда Вы окончательно выбрали для себя профессию?

— Как ни странно, во время работы в многотиражной газете «Советский фильм». Это было что-то вроде практики. Я делал интервью со Светланой Дружининой, прекрасным человеком и режиссером, которую характеризует оригинальность почерка, неординарность сюжета. И вот именно она стала человеком, который окончательно убедил меня, что я не ошибся в выборе жизненного пути. Большую роль сыграла также моя работа на Риж-

ском телевидении, в редакции русских новостей. Там я встретился с удивительными людьми, которые соприкасались с, казалось бы, самыми банальными вещами, делали повседневную работу. Меня сразу же приняли в свою творческую среду, через неделю уже доверили руководить съемочной группой. Я стал самостоятельно снимать сюжеты, хотя раньше этому меня никто не учил. В моей группе было пять латышей, и мы уживались прекрасно, в тот период я выучил латвийский язык.

— Но ведь в Латвии Вы снимали чисто информационные сюжеты, а как пришли к документальному кино?

— После окончания университета я работал в видеоприложении «Огонек-видео», материалы которого распространялись по всему миру. Одним из первых фильмов был фильм о детях-мутантах. Его тема — это судьба детей, умственно полноценных, но физически обделенных природой, которые находятся в нечеловеческих условиях рядом с умалишенными. Я хотел показать, как губительны для человека его опыты с природой. Наше невнимание к окружающей нас сфере ведет к конфликту медицинскому, а затем к драме человечества вообще. Если больна природа вокруг нас — будем больными и мы. Физически и психически. В этом был пафос моего фильма. Я снимал во многих больницах и интернатах, видел ужасных уродов — например, ластоновых детей-мутантов... Это невозможно забыть! Неужели для того, чтобы мы задумались наконец о будущем нашем и нашей планеты, нужны именно такие эксцессы со здоровьем?

— Но вот в Америке, например, нашли способ помогать детям-инвалидам, так же, как выделять средства на экологию, на финансирование безотходных отраслей культуры...

— В Америке сытая и здоровая нация. Они всегда могут оказать поддержку. У нас же все средства утекают в карманы черных и темносиних пиджаков. Это образ из книги Евгения Пермяка, который так называл трутней, живших в обществе обманом ближнего.

— Выходит, ситуация у нас совсем катастрофическая, как Вы думаете?

— Выходит, да. Мы с детства привыкли думать, что мы — не часть природы, а часть искусственно созданных механизмов. Я до сих пор помню выученный в юности стихок: «Повазду гиганты-заводы, высокие груды плотин, умом украшенные воды ворожат частью турбин». Вот так нас учили мыслить, и переход к новому — дело долгих лет и колоссальных усилий. Для этого прежде всего нам нужна правда. Нужны горькие лекарства и едкие истины, по словам Лермонтова.

— Если вернуться к Вам, где Вы работали после видеоприложения?

— Два года — в детской редакции на ТВ. Но телевидение привыкло пользоваться старыми кадрами, и прижиться там мне не удалось. Хотя

работу свою как режиссер я не бросал. Одной из тем моих документальных фильмов была тема о нашем отношении к культурному достоянию русского народа, которая, как я считаю, тесно связана с экологической тематикой. Я бы назвал эту тему темой экологии памяти. Я снимал фильм о судьбе последней деревни в черте Москвы — деревне Троицкое-Лыково. К сожалению, по телевидению он показан не был, хотя оценен знатоками высоко.

— Таким образом, вам не удается увидеть конечный результат вашей работы — впечатление, произведенное картиной на зрителя?

— К сожалению, пока нет. В прошлом году я закончил съемки картины об Олеге Газманове, которая называлась «Певец и странник». У нее была очень хорошая съемочная бригада, прекрасные монтажер, оператор. Можно сказать, что картина состоялась, и зрители были. Ее показали в кинотеатре «Зорядье», по IV каналу Останкино, она шла в Ульяновске. Но после показа в Ульяновске Авторское телевидение приняло решение отказаться от подписания договора на дальнейший показ этой картины с подачи человека, который вообще никакого отношения к искусству не имеет. Обидно, что, когда Газманов стал баллотироваться в Думу, эта картина не может ему помочь...

— Что же вы собираетесь делать в будущем? Бросить кино, работу режиссера, поддаться судьбе, которая пока награждает только неудачами?

— Ни в коем случае! Чтобы хоть как-то зарабатывать деньги, я вынужден преподавать, но моя работа тоже связана с кино и... с экологией. Я веду предмет «История экологического кино», руковожу семинаром «Экология в средствах массовой информации» в единственном в Москве гуманитарном экологическом колледже. Он был создан по инициативе нынешнего директора колледжа Людмилы Егоровны Пикаловой и ее мужа Анатолия Вячеславовича, которые всю жизнь проработали педагогами, сферой интересов их были экология и биология. Поддержали создание такого колледжа Академия народного образования, МГУ, Российская академия управления и другие структуры, владеющие средствами материальными.

А в свободное время я опять-таки собираюсь снимать фильмы. У меня есть сценарий фильма о пресловутой Марии Дави-Христос, есть сценарий игрового фильма «Только три дня», главные роли в котором, как я задумал, должны исполнять Елена Яковлева и Александр Серов, но, к сожалению, нет единомышленников, которые бы думали, что неигровое кино может приносить реальный доход.

— Я желаю вам всего хорошего и надеюсь, что планы ваши осуществляются.

Интервью вела Анна МИШИНА